

культурной идентичности. В связи с этим подчеркивается, что «такие общности, как население, говорящее по-баскски или по-бретонски, являются результатом длительного и комплексного исторического процесса формирования, который, согласно советской традиции, можно назвать этногенезом» (с. 122).

Сохранение региональной дифференциации авторы рассматривают во взаимосвязи со складыванием новых общностей, где фактор этничности (в региональном смысле) присутствует наравне с такими, как возраст, пол или классовая принадлежность (с. 123).

Наряду с историей формирования современной этнологии Франции книга позволяет судить и о принципах группировки исследовательских направлений внутри нее. Написанная ведущими специалистами в данной области, рецензируемая работа отражает новейший взгляд французских ученых на задачи и методологические принципы этой научной дисциплины.

А. В. Полевой

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ

О. Ю. Артёмова. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине: по австралийским этнографическим данным. М., 1987. 200 с.

Книга О. Ю. Артемовой, если можно так выразиться, следует благородной цели «человечивания» этнографических исследований. При условии, что это отнюдь не популярная литература, перед нами удачная попытка соединить серьезный научный поиск с заинтересованным рассказом о реальных людях первобытного общества, их характерах, особенностях мировосприятия, жизненных испиностях и устремлениях. Человек поставлен здесь в центр исследовательских интересов. И, вероятно, ощущением объемности видения мира, возникающим у читателя, мы обязаны именно показу многообразия людских проявлений, тому эмоциональному отклику, который он порождает. Создается пусть фрагментарная, но образная картина действительности, что, как известно, всегда наиболее предпочтительно.

Привлекая разнообразные источники, в том числе и фольклор аборигенов, О. Ю. Артемова анализирует обширный фактический материал, который охватывает период в 180 лет, от конца XVIII столетия до второй половины 60-х годов нашего века.

Автор книги ставит своей целью с помощью максимально полного выявления взаимосвязей между человеческой личностью и традиционными социальными нормами представить сильный этнографический аргумент в споре с теми учеными, которые рассматривают раннепервобытные коллективы как нивелирующие индивидуальность, лишаящие ее свободы выбора.

В ходе исследования О. Ю. Артемова выдвигает ряд конкретных задач, которые, как нам кажется, можно сгруппировать в два комплекса. Первый из них — выявление общественных условий для самореализации личности. К таким условиям автор относит: сложность социальной структуры австралийцев; наличие в их культуре нормативов, предполагающих развитие личной инициативы; наконец, существование феномена индивидуальной специализации. Во второй комплекс попадают задачи, уже непосредственно связанные с анализом соотношения личности и нормы. Это: подразделение нормативов на препятствующие и благоприятствующие самораскрытию индивидуальности; исследование случаев нарушения норм и отступления от правил как в межгрупповых, так и в межличностных отношениях; оценка обществом таких отклонений.

Книга подразделяется на введение, четыре части из 10 глав и заключение. В текст включены фотографии аборигенов и карта расселения австралийских племен.

«Введение» представляет собой весьма важный и обстоятельно написанный раздел с изложением мотивов работы, историей проблемы, объяснением ведущих терминов и понятий. Явной удачей здесь можно считать развернутое обоснование вывода о том, что ценность этнографических материалов по традиционной культуре Австралии не может быть поставлена под сомнение. Тот факт, что мы имеем дело лишь с аналогами, а не эквивалентами древних охотничьих обществ, не лишает этнографов главного — принципиальной возможности реконструировать на этой основе ранние этапы человеческой истории. Вопрос лишь в том, что для подобной цели неприемлем прямой перенос конкретных культурных вариантов, а требуется выделение структурных, типологических черт. И тут, конечно, перспективы для научных поисков самые благоприятные. С другой стороны, углубление наших представлений о синполитейных обществах как бы поднимает планку достигнутого уровня знаний, ниже которого не следует опускаться в теоретических работах. По словам О. Ю. Артемовой, в достижениях австралистов нужно видеть «гарантию... от спекулятивных реконструкций отдельных этапов первобытной истории, опирающихся на одни только умозрительные построения» (с. 8).

Первая часть рассматриваемой книги как бы подводит читателя к восприятию собственно «нормативного» исследования. В двух главах автор рисует наиболее значительные черты социальной структуры аборигенов и специфические особенности их духовной жизни. В третьей, заключающей главе все это осмысливается как благоприятные условия для раскрытия личностного потенциала индивида. С таким выводом трудно не согласиться, но хотелось бы высказать два соображения. Хотя сложному общественному устройству австралийцев отведено много места, некоторые важные, если не важ-

нейшие, его черты сознательно опущены автором. В тексте, например, не рассказывается о системе брачных секций, не описываются специфические черты австралийских систем родства (хотя впоследствии об этих понятиях не однажды заходит речь). Может быть, именно оттого, что значительный культурный пласт не был раскрыт перед читателем, поддержанный автором тезис об уникальном положении каждого индивида в сети социальных связей не выглядит достаточно очевидным. При условии, что каждый австралиец состоит членом сразу многих подразделений, но все они имеют групповой характер; при том, что вступление в брак является в этом обществе обязательным и, следовательно, набор ролей в системе родства в принципе у каждого идентичен, трудно понять, почему эти роли уникальны и не разделяются другими индивидами. Возможно, чтобы убедить читателя, были бы уместны и достаточны один-два примера.

Автор безусловно прав, трактуя сложную дифференцированность общества аборигенов как важный фактор развития индивидуального самосознания. Но если даже утверждение о свойственной каждому «индивидуальной комбинации нормативных предписаний» справедливо, вряд ли верно считать, что это «обязательно предполагает различия и в индивидуальном поведении австралийцев, и в их жизненных установках, и в их индивидуально-личностных свойствах» (с. 43).

Некоторые материалы первой главы также вызывают желание поспорить. В частности, решая вопрос о том, какой из двух видов унилинейных экзогамных групп соответствует понятию «род», автор отдает предпочтение тому, который имеет повсеместное распространение. Не пытаясь здесь конкретно атрибутировать указанные группировки, заметим только, что универсальность какого бы то ни было явления вряд ли можно расценивать как его структурную черту.

Завершающая глава первой части, написанная энергично и емко, производит впечатление пружины, которая постепенно раскручивается в последующих главах. Здесь в сжатом виде изложена чрезвычайно важная мысль о том, что эгалитаризм данного общества — понятие сугубо социально-экономическое. Такое равенство совсем не означает социальной однородности. Напротив, О. Ю. Артемова убедительно демонстрирует черты дифференциации, бытующей у австралийских аборигенов. Этот феномен раскрывается через понятие иерархии статусов, групповых и индивидуальных. Самое низкое положение — у женщин, затем идут «младшие мужчины», а наибольшим уважением пользуется категория «старших мужчин». Именно существование неравноценных для общества половых и возрастных группировок, а наряду с ними особо чтимых должностей и занятий положено автором в основание всей работы. То, каким образом поведенческие нормы приходят в соприкосновение с индивидуальностью человека, рассматривается как бы сквозь призму социального статуса. На этом фоне особенно показателны случаи, когда, например, женщины становились главами общин, а молодые люди не по возрасту получали звание старшего.

Заметим только, что в перечне «статусных» общественных явлений один пункт — система родства (СР) — вызывает возражение. Уже в силу своей относительно и этноцентрической природы она, на наш взгляд, не может быть причислена к явлениям, обеспечивающим людям неодинаковое положение в обществе. Человек никогда не занимает в СР «определенного места» (ср. с. 49), поэтому его «родственный статус» оценить невозможно. Иное дело — «класс родства», за которым стоит определенная модель поведения, или роль. Разные роли уже могут быть сравнимы по своему статусу, однако на статусе индивида это не сказывается, так как каждый человек аккумулирует в СР сразу несколько ролей.

Во второй и третьей частях книги последовательно разворачивается замысел автора. Анализ конкретных примеров, свидетельствующих о том, что австралийские аборигены проявляют себя как разнообразные личности, дается с привлечением массы чрезвычайно интересных фактов. Попутно — и очень естественно в ткани глав — освещаются спорные вопросы. Читателю предоставляется возможность познакомиться с разными точками зрения. И тут уместно указать на неизменно взвешенную авторскую интонацию, стремление понять истоки взаимоисключающих концепций.

Начинается вторая часть с проблемы общего статуса женщин. Противоречия в его оценке удачно снимаются О. Ю. Артемовой за счет признания необходимости различать норму (принужденное состояние) и ее преломление в индивидуальном поведении (самостоятельность и независимость некоторых женщин в семье и обществе). Отклонение от принятых стереотипов поведения справедливо трактуется как наиболее очевидное свидетельство проявления личностного начала.

Правда, тема «психологического антагонизма» мужчин и женщин разрабатывается почти исключительно на отношениях «муж — жена». И хотя это сделано предельно убедительно, все же было бы желательно проверить вывод о женском статусе, проанализировав и другие ряды отношений, например «отец — дочь», «брат — сестра» и пр. Тут очень кстати оказались бы женские классы родства австралийской СР.

Особый раздел книги посвящен малонизученной и непростой проблеме возрастных образований в Австралии. Автор приходит к заключению, что принятые в этой сфере правила поведения не препятствуют проявлению индивидуального своеобразия.

Далее, в соответствии с разработанной О. Ю. Артемовой классификацией, анализируются статус и функции разного рода формальных и неформальных лидеров, их влияние на ход жизни всего коллектива. Выясняется, что в данной области общество не только допускает, но и предполагает личную инициативу.

Тема третьей части не совсем привычна для нашего обыденного представления об австралийском обществе. Здесь разбираются оригинальные факты, связанные с индивидуальным разделением труда у аборигенов. В отдельные главы выделены рассказы о выдающихся мастерах своего дела, о специалистах белой и черной магии. Помимо

естественного, идущего в русле основной логики вывода о том, что условия жизни первобытных охотников и собирателей позволяли людям свободно обнаруживать свои способности и склонности и занимать автономное положение в среде себе подобных, здесь содержится интересное заключение о природе индивидуальной специализации в подобных обществах.

О. Ю. Артемова видит качественное различие между профессиональной специализацией более поздних эпох и присутствием у аборигенов людей, достигших вершин мастерства в общедоступных занятиях. Автор полагает, что подобная индивидуальная специализация была свойственна и «весьма ранним стадиям развития человеческого общества» (с. 140), поскольку ее суть усматривается в «самовыражении творчески одаренной личности». Более того, сходное явление можно найти в любом обществе, включая и классовое.

Последняя часть книги играет роль заключительного аккорда. Проводя перед читателем вереницу образов живых и таких разных людей первобытной эпохи, автор высказывает мысль о единстве человеческого сообщества, о том, что в сфере индивидуальных проявлений гораздо больше того, что сближает, нежели разъединяет нас с австралийскими аборигенами. Завершается исследование небольшой, но важной главой, где с очевидностью доказывается, что коренным жителям континента присуще индивидуальное самосознание.

Можно, конечно, спорить об оптимальности избранной композиции книги, об отдельных умозаключениях. Но бесспорно то, что комплекс представленных идей и сведений полностью отвечает авторскому замыслу и формирует у читателя доминантную мысль: раннепервобытное общество не означает абсолютного равенства — оно не похоже на однородную массу индивидов, а состоит из разнообразных личностей; личности эти выступают не только как часть коллектива, но обладают выраженным индивидуальным самосознанием. Последнее утверждение важно не только само по себе. На наш взгляд, оно, вкуче с тезисом о том, что личность возникает вместе с обществом как его атрибут, может считаться дополнительным аргументом в споре о формах СР с учеными, склонными абсолютизировать групповое сознание первобытной эпохи.

Интересна и вторая группа выводов О. Ю. Артемовой, которая касается социального регулирования. Автору удалось показать, что аборигенное общество не представляет собой абсолютно жесткой системы. С точки зрения отношения общества к появлению в нем индивидов-личностей, нормы австралийцев можно подразделить на «препятствующие», «допускающие» и «стимулирующие» активность людей. Нам кажется, такое заключение дает отправную точку для дальнейшего поиска. Исходя из существенных черт личности (с. 15), можно, например, предположить, что чисто социальные нормативы вообще не являются специфичными для возникновения личности как таковой. Не исключено, что уже хозяйственная деятельность человека, особенно такая сложная, как охота, в состоянии обеспечить развитие видовых личностных черт — умения принимать самостоятельные решения, предвидеть результаты своих поступков, обладать волей и т. д. Возможно, социальные нормы в большей степени несут ответственность за формирование определенного типа личности, нежели самой личности. В этом случае «жесткие» правила наряду с другими могут рассматриваться в положительном смысле — как механизм воспитания и закрепления социально значимых черт характера.

Примечательно, что в книге О. Ю. Артемовой уже называются многие такие черты и даже обрисовывается один из социальных механизмов, направленность которого нам видится в формировании именно определенного типа личности. Речь идет о привилегиях для людей наиболее высокого статуса. Когда известно, какие именно личные качества и достижения требуются, чтобы завоевать высокий общественный авторитет, привилегии становятся мощным стимулом для людей в развитии своих природных способностей и выработке специфического комплекса черт характера.

Знаменательно, что привилегии эти (снятие пищевых табу, освобождение от необходимости ежедневно охотиться, возможность иметь много жен, пользоваться правом неприкосновенности, получать от соплеменников ценные подарки) — добровольный акт со стороны общества. Важен и самый факт того, что традиции подношения лидерам подарков и освобождения людей с высоким статусом от занятий, связанных с добычей пищи, фиксируются уже на уровне обществ с присваивающей экономикой. Это может свидетельствовать в пользу того, что сходные по форме явления в стадияльно более поздних обществах, например в океанийских вождествах, как минимум не должны истолковываться однозначно как очевидные свидетельства эксплуататорской деятельности вождей.

В заключение можно сказать, что, познакомившись с книгой О. Ю. Артемовой, заинтересованный читатель получит двойное удовольствие. Его ожидают одновременно и интересное этнографическое исследование, и очерк традиционной социальной культуры австралийских аборигенов, оставляющий яркое впечатление.

И. Ж. Кожановская